

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.18>

Яковлев Михаил Владимирович

КОСМОГОНИЯ СЛОВА В ПОЭМЕ А. БЕЛОГО "ГЛОССОЛАЛИЯ"

В статье анализируется художественное раскрытие символов Космоса и Слова в поэме А. Белого "Глоссолалия". Новизна концепции исследования определяется апокалиптической трактовкой этимологических, историко-литературных, мифопоэтических и антропософских аллюзий в образности произведения. Доказывается, что представление поэта о Втором Пришествии Иисуса Христа раскрывается в аспекте неорелигиозного учения об изначальном космическом всеединстве и его восстановлении в результате нового откровения Слова. Показано, что в поэме особая роль в уяснении эсхатологических судеб народов отведена русскому словесному космосу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 1. С. 82-85. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК [821.161.1-1 Белый]:82-95

Дата поступления рукописи: 13.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.18>

В статье анализируется художественное раскрытие символов Космоса и Слова в поэме А. Белого «Глоссолалия». Новизна концепции исследования определяется апокалиптической трактовкой этимологических, историко-литературных, мифопоэтических и антропософских аллюзий в образности произведения. Доказывается, что представление поэта о Втором Пришествии Иисуса Христа раскрывается в аспекте неорелигиозного учения об изначальном космическом всеединстве и его восстановлении в результате нового откровения Слова. Показано, что в поэме особая роль в уяснении эсхатологических судеб народов отведена русскому словесному космосу.

Ключевые слова и фразы: глоссолалия; символ; слово; антропософия; Апокалипсис; А. Белый.

Яковлев Михаил Владимирович, д. филол. н., доцент

Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево

mihaelrambleru07@rambler.ru

КОСМОГОНИЯ СЛОВА В ПОЭМЕ А. БЕЛОГО «ГЛОССОЛАЛИЯ»

Идейно-художественное своеобразие «поэмы о звуке» А. Белого «Глоссолалии» (1918) определяется ее названием, указывающим на библейский жанр духовной словесности. Содержанием произведения является мифопоэтическое построение, связанное с лингвистическим раскрытием космического Всеединства. Цель статьи заключается в выявлении космогонических символов, заключенных для русского поэта в самой природе слова. Задачи исследования предполагают уяснение конкретных аспектов мифопоэтики произведения в системе эсхатологических предчувствий грядущего богооткровения и преобразования мира, о котором общает Апокалипсис Иоанна Богослова (Откр. 21:1).

Вслед за новозаветной глоссолалией на Пятидесятницу (Деян. 2:4) автор поэтической «глоссолалии» XX века пытается приблизиться к тайне сотворения мира Богом через метафизику Логоса и Дыхания Божьего, понимаемого как ипостась Духа. Концепция поэмы исходит из представления о том, что сотворенный мир, имеющий своей первоосновой Звук, ноуменально содержит в себе отголоски Божественного Дыхания. Для религиозного сознания человека в нем заключаются Сила и Смысл Жизни. Для автора поэмы слышимый человеческим ухом звук оказывается тем «стершимся» в сознании человечества изначальным смыслом, который по-прежнему живет в корнях слов и созвучиях и возникает под воздействием выдыхаемого воздуха. Метафорически поэт называет рот человека «огромнейшим Космосом» [1, с. 3].

Следуя учению Р. Штейнера, автор русской «Глоссолалии» развивает образную космогонию. Звук поэтически трактуется в тексте как изначальный метафизический символ «берешит», который в еврейской Библии обычно переводится как выражение «в начале»: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1:1). Это слово-понятие оказывается таким же полисемантическим, как греческое «Логос». Понятие «берешит», «в начале», понимается как обозначение мифологического хронотопа. Оно отвечает на вопросы «когда» и «где» и в то же время воспринимается как некая Первоматерия. Мир создан не просто «в начале», а из этой таинственной субстанции. Космогоническую тайну Слова А. Белый выявляет через «остаточные» этимологические значения, сохранившиеся в природе звука. Для автора «Глоссолалии» звук позволяет расшифровать сокровенный замысел Творца как Художника слова.

Теургическое задание «поэмы о звуке» заключается в созерцательно-медитативном возвращении к истокам мира. Этимология слов из лингвистической дисциплины превращается в «Глоссолалии» в разновидность духовной герменевтики по типу Каббалы. В 16 и 17 частях произведения, опираясь на лекции Р. Штейнера, трактат «Аугога» Я. Беме и ряд лингвистических источников [9, с. 137], А. Белый дает своеобразное вступление к развернутой на 75 частей ритмизированного текста языковой импровизации, духовная цель которой – новое откровение Космоса через Слово и его восприятие Человеком.

Поэт приводит комментарий Беме к немецкому переводу Священного Писания: «Берешит бара Элогим эт хишамаим бэт харец», в котором Беме также дает свою версию прочтения книги Бытия. А. Белый комментирует перевод так: «Надо в точности рассмотреть эти слова, что они значат: ибо слово *Am* собирается в сердце, и доходит до губ, здесь оно пленяет, и звуча возвращается назад до своего исходного места... Это означает... что звук изошел из сердца Божия и объял все место сего мира; но как оно оказалось злым, то звук снова отступил назад» [1, с. 12].

По поводу этих созвучий автор поэмы рассуждает так: «В приводимом звучании явлено “am-an-an” (am Anfang); интересуется, “m”, “n”, полугласные, или сонанты; “am-an” или “man” – звуки мысли... Уразумеем теперь эти звуки. – “Am Anfang” – в них есть сочетание am-an-an, переходящее в (a) mana (n); – “am Anfang” (“в начале”) гласит звуком слов, что “в начале был разум”. Самое начало есть разум: “В начале бе слово» [Там же].

Лингвистический анализ приводит к неомифологическому умозаключению: «Так еврейское “берешит” и немецкое “Anfang” дают две картины: пылающий блесками мир; и – Элогимы под ним; это вскрыл Рудольф Штейнер... И некий космический человек “Adam Kadmon” (ad-ad-am-on) (в мысли божественной, в “Mana”, звучит по-немецки; “В начале всего”).

Звук “aman” включает мысль разума (mana), любви (ame), жениха (Mann); Начало сошло с Концом; юдаизм с христианством; картины и звуки иные: жест смысла – один» [Там же, с. 13].

Исследуемые в этом фрагменте языковые соответствия образуют новые семантические и ассоциативные цепочки: «*amaṇ*» – омонимично слову «аминь» – «воистину». С ним сопоставимо еврейское «эмуна», то есть «вера», которая в русском языке также понимается как «верность». Это же сочетание звуков и смыслов обнаруживается в индуистской моносиллабе «Ом», которая используется в медитациях и обозначает космическую вибрацию Духа, а в отдельных случаях понимается как имя Бога. Об этом значении А. Белый упоминает в другом месте [Там же, с. 34]. Индуистскую звуковую формулу французский исследователь эзотерических традиций Р. Генон в сочинении «Царь мира» связывает с эсхатологическим самоопределением Бога через буквы алфавита «Альфа» и «Омега» [4, с. 768].

В самом деле, греческие буквы, соединяясь в пару, также воспроизводят божественный первозвук «Ом» или «а-ом», то есть “*α*” и “*ω*”. Этот первозвук сохраняется и в аббревиатуре молитвы “*Ave Maria*”. А. Белый подчеркивает это многозначное единство, отмечая, что словосочетание *Дом Ома* – Дом Божий – созвучно слову *дама* [1, с. 34]. Французское «дама» или «госпожа» в латинском (и итальянском) языке звучит как «донна». Отсюда «*миа*» «донна» – «моя госпожа», или *Мадонна*.

Эти сближения получают в «Глоссолалии» апокалиптический смысл, воспринимаются как эсхатологическое откровение. Видение Царствия Божьего как Небесного Града (Откр. 21:1) сближается с «невестой» и «женой» Агнца (Откр. 21:9), а также с видением Жены, облеченной в солнце (Откр. 12:1). Как видим, в построении А. Белого индийская древность, на которую опиралось антропософское учение, встраивается в эсхатологический вектор христианства. Об этом векторе мироздания, сближающегося со структурой алфавита, Сам Создатель напоминает в первой главе Апокалипсиса Иоанна Богослова: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь» (Откр. 1:8). Божественный Голос также именует себя «Аминь»: «...так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия» (Откр. 3:14). Божественный Космос раскрывается в Голосе Всеединства.

Для А. Белого было примечательно то, что в работах Р. Штейнера «Из летописи мира. Акаши-хроники» (1904-1908), «Очерк тайноведения» (1910) и других сочинениях создателем антропософии космогонии понимается как эволюция. По существу, божественное «Да будет» сближается с астрофизической гипотезой Великого Взрыва. Но в отличие от материалистической концепции в эволюции Вселенной у германского неомифолога активно участвуют Духовные Существа, сопоставимые с христианской ангелологией, приписываемой Дионисию Ареопагиту. Их общим, собирательным наименованием в «Глоссолалии» становится слово «Элогимы» [Там же, с. 13], то есть «Господства». В традиционной богословии еврейское «Элогим» или «Элохим» – это одно из библейских имен Бога. Таким образом, Творцом мира становится не только Единый и Единственный Бог, но и другие Духовные Существа.

Близкая эволюционная теория в русской религиозной мысли уже получала софиологическую трактовку и формулировалась Вл. Соловьевым в книге «Россия и Вселенская Церковь» (1889). Создатель русской софиологии оригинально трактует саму книгу Бытия.

В космогонии книги Вл. Соловьева утверждается, что Творец, создав основу Вселенной, наделяет *землю* самостоятельными производительными силами. Этому посвящена 6 глава «Три главных сущности космогонического процесса» [6, с. 350]. В концепции Соловьева живые организмы на планете создаются не непосредственно Творцом, а землей. Речь идет о земле как особой космической стихии. Вот эти строки: «И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так» (Быт. 1:11). И далее: «И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее...» (Быт. 1:12). Однако подчеркнем, что далее в Библейском тексте все же уточняется доминирующая роль Творца: «И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1:25). Соловьев делает следующий герменевтический вывод: «Таким образом, очевидно, что Бог не создает непосредственно различные проявления физической жизни, но что Он лишь определяет, направляет и устанавливает творческую силу, именуемую *землею*, деятеля, то есть земной природы, первой материи, души низшего мира» [Там же, с. 351].

Слово «земля» в космогонии Соловьева становится синонимом сотворенной *Души мира*. Такое синергичное понимание космогонии у философа было связано с неомифологией Софии. По мысли философа, «неопределенная двойственность» Души мира [Там же, с. 352] определяет сложность и драматизм эволюции творения. Этот противоречивый процесс противопоставляется Ноуменальному Единству Софии, к которому Вселенная возвращается в конце времен.

Исходя из индуистских источников и собственной медитативной практики, цитируемый в «Глоссолалии» Р. Штейнер также предлагает свою причудливую интерпретацию Создания мира. В «Очерке тайноведения» мифолог сообщает о разных этапах «воплощения» современной планеты. Итогом эволюции Вселенной, согласно антропософскому учению, становится создание «Космоса Любви» [8, с. 319]. Центральное значение в этом процессе для германского мистика имеет Божественная Личность Христа.

В рамках статьи о космогонии слова в поэме «Глоссолалия» не будем оценивать саму мифологию Штейнера. В России начала XX века его учение было известно преимущественно потому, что им были увлечены несколько самобытных поэтов. При этом жена и один из лидеров Антропософского общества Мария Яковлевна Сиверс обычно вежливо говорила Андрею Белому, пораженному сходством антропософии и собственной теории познания (в частности, в работе 1910 года «Эмблематика смысла»), что он все «не так понял» [2, с. 487]. Однако можно утверждать, что вдохновляемый русским апокалиптическим духом, Андрей Белый, один из немногих, понял Штейнера как выразителя нового религиозного сознания, и притом сознания эсхатологического.

В языковых прозрениях «Глоссолалии» древние боги, объявленные демонами, духовно преображаются. Так, созерцание древнего Египта вводит в мифопоэтику произведения слова *Аэрия* и *Азия*. Топоним *Азия* для автора обозначается символикой личностного самоопределения, местоимениями «*азь*» и «*я*».

Поэт выстраивает очередную цепочку созвучий и значений: «В Каббале “Азией” именуется эфир света, невидный обычному оку; посвященные “Азию” видят; может быть, проступает она на заре: может быть, “Назарей” она, эта Азия; она – страна Господа; Азия – свето-воздух и “Азии” нет на земле, где она, там и Рай – Все-Азия; он – Пант-Азия, он – Фантазия; но Фантазия есть: там, за огненным облаком» [1, с. 26].

Многочисленный символ, восходящий к стихотворению А. А. Фета «Воздушный город» (1846 года), трактуется А. Белым как видение небесной *родины*: «Плывет облачный город, зажженный лучами; оттуда спустились мы все – из зарей, зари; “назарейми” были и мы – на заре» [Там же].

Образ мифической Аэрии, «воздушной страны», прочитывается для поэта в откровениях прошлых культур: «В древней-древней Аэрии, в Аэре, жили когда-то и мы – звуко-люди; и были там звуками выдыхаемых светов: звуки светов в нас глухо живут; и иногда выражаем мы их звукословием, *глоссолалий*» [Там же, с. 27]. 45 часть произведения завершается молитвенным призывом Изначальной и Итоговой Родины. При этом автор сближает в одной фразе возглас из Апокалипсиса: «И Дух и невеста говорят: прииди!» (Откр. 22:17) и слова Господа, завершающие Евангелие от Матфея (Мф. 28:20): «Аэрия, милая, – звуками, переливами слов среди убогой, разбитой, разорванной жизни тебя вспоминаю: приди!

“Аз с вами до окончания века”» [Там же].

Слова из Евангелия содержат не просто обещание Христа, но и знание о вневременном, таинственном присутствии Логоса в мире. Христос и Его царствие грядут не после Страшного Суда, а есть уже сейчас, в индивидуальной земной жизни. Эта вера раскрывается в знаковом для русского символизма стихотворении Вл. Соловьева «Имману-эль» (1892) – то есть буквально «С нами Бог» (Мф. 1:23). А. Белый на протяжении всего творчества ощущал свою преемственность с пророческой поэзией и философией Соловьева. А в период погружения в мир германской антропософии подчеркивал свои национальные духовные корни, стремился сохранить мистическую автономность.

Р. Штейнер в своей космогонии обозначил ипостась Логоса многозначным символом Солнца, придавая ему неомифологический смысл. Однако и в церковной гимнографии поэзии образ Солнца также встречается в обозначениях Личности Христа. В «Акафисте ко Пресвятой Богородице» находим следующее астрономическое уподобление: «Радуйся, Звезда, являющая Солнце» (Икос 1). Тот же образ закрепляется в словах тропаря, обращенного к Богородице: «Рождество Твое Богородице Дево, радость возвести всей вселенной: из Тебе возсия Солнце правды Христос Бог наш...» (Православный молитвослов). Логос понимается как космический Центр мира по аналогии с астрономическим Солнцем Солнечной системы.

Очевидно, что создатель антропософии был недостаточно знаком с русским богослужением [9, с. 158]. Зато православные образы и предчувствия повлияли на творческое становление московского студента Б. Н. Бугаева, в пасхальные дни 1901 года создавшего свою пророческую 2-ю «Симфонию» – новаторское произведение, подписанное апокалиптическим псевдонимом Андрей Белый.

В «Глоссолалии» А. Белый провидит божественный свет в образах и словах земного пейзажа, получающего духовное содержание. Результатом поэтического анамнеза (познания как духовного воспоминания) в 39 части поэмы становится переживание внутренней «солнечности» земли:

«Воспоминания солнечной жизни: –

– цветков: “z-v-t”; росты тянутся стеблями “t”; “ž” – горение тканей цветочных, иль венчик; “V” – воздух сияний; “k” – минеральная почва, в которой ц-в-е-т-о-к укрепился; да, “zveti” пролучились из солнца на землю: примчались лучами; земля: звуки “rd” слова “Erde” от “rz”, что есть “рденье”, горенье... еще: “Zarogstr” – звезда утра, где “zog” есть ядро: оно – солнечный взор; “str” – лучи во все стороны (*streckendes-strahlendes*)» [1, с. 23].

В статье «Красота в природе» (1889) Вл. Соловьев раскрывал сущность феномена красоты через ее метафизическую светоносность. В мистическом понимании красота – это граница между двумя мирами. Она эпифанически являет духовное пространство, пронизывающее материальную природу. Чувство красоты в восприятии человека связано с тем, что отражает и содержит в себе свет: драгоценные камни, цветы, небесные явления.

В нравственной жизни человека этим *внутренним светом* оказывается Божественный Дух, физически явленный в Фаворском Преображении Иисуса Христа: «И преобразился пред ними: и просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет» (Мф. 17:2). А в притче о Конце Света и Царствии Небесном Господь использует сравнение с солнцем для обозначения святости: «Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф. 13:43). Таких духовно озаренных личностей поэт называет *Гражданами Солнца* [Там же]. В поэме в качестве подобного просветленного человека назван святой Франциск, который был не только великим подвижником Западной церкви, но и духовным писателем, автором поэтической проповеди «Гимн Солнцу» [Там же]. В русской религиозной жизни для А. Белого особенное значение имело произведение Н. А. Мотовилова «Беседа о цели христианской жизни» с преп. Серафимом Саровским, где описывается факт озарения лица и фигуры подвижника духовным светом.

В «Глоссолалии» А. Белый призывает духовно работать над созданием «новой планеты» [Там же, с. 38]. Это творчество понимается как со-творчество с Логосом. И в то же время поэт молитвенно обращается к «стране детства» Аэрии [Там же, с. 53]. Что это за таинственная небесная земля? В первой поэтической книге, изданной в 1904 году, он определил это видение как «*Золото в лазури*». В Апокалипсисе явление Царства Божьего связано с подробным описанием Небесного Града (Откр. 22:10) и с немногословным сообщением о видении нового творения: «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откр. 21:1). Русская апокалиптическая мысль и поэзия выражала эту веру через раскрытие символа *Софии*. Эта космологическая Сущность получила национальное содержание, соединилась с мессианской верой в Россию как страну осуществления Царствия Божьего.

Подтверждая эсхатологические интуиции, в «Глоссолалии» А. Белый ссылается на других русских поэтов: на С. А. Есенина, Н. А. Клюева, М. Ю. Лермонтова, Вяч. Иванова. Цитирует самого себя. Это придает причудливым созвучиям «Глоссолалии» черты пророчества о древнем праязыке и языке нового человечества как *homo pneumaticus* – человека духовного. В языковой импровизации 34-й части выявляется родственность важных для русского символизма смысловых созвучий: «Так же солнечны: – “zog” – зори (взор, круг-озор) “zoi” – (это – солнечный демон); “Zohar” – книга блесков; “zog” – “Zogoto” (зорото – золото); zog-(g)og-(g)o(u)g дает “joug”; “roz” есть розовый; розы – зори: розд-рост-род-рож; и рожай – урожай; порождение – солнечно; роза – “roda”; “roda” есть “роза” (по-гречески)... заря порождает нам родые (рдяные) розы; “gosa-gosina-godina” (родина, род)...» [Там же, с. 20].

Из этой языковой медитации поэт делает эзотерический образный вывод, воспринимающийся как пророчество о мире, грядущем с небес: «...мы родимся из роз зари солнца: там – родина» [Там же].

Также раскрывается духовная семантика слова *Русь*. Поэт доказывает, что названная предками Святой – Русь такова по внутренней природе самого топонима. А. Белый выстраивает эту мифопоэтическую этимологию: «Так же солнечны *rus-sur*: – *suryah* – производное от слова “солнце” (санскрит); “rus” – “ruzant”; это светлый (санскрит); “ruzant” – русский; “rus” – Русь; она – светень по звуку; и “rusios” – пламенный: “rouge”» [Там же, с. 20].

По определению поэта, Свет присущ самому слову «Русь». А С. Есенин в топониме «Россия» слышал другое созвучие. Для него в наименовании родины таились и *роса*, и *сила*, и нечто *синее*. В статье «Небесные знамения» значение синего цвета П. Флоренский пояснял следующим образом. София, обращенная к Богу, есть заря, красный или розовый цвета. Обращенная от Бога Она есть синий цвет, лазурь [7, с. 417]. Концептуальным символом софийности и России в первой поэтической книге А. Белого становится *золото в лазури*.

В «Глоссолалии» концепция обретения духовного Всеединства реализуется через систему необычных неомифологических сближений. Античному символу Золотого руна русская апокалиптика придавала новый смысл. Греческий миф об аргонавтах и поиске Золотого руна в мифопоэтике А. Белого раскрывается в эсхатологическом символе *Агнца Божьего* (Откр. 21:22; 22:1-3), то есть Ягненка. Этим светоносным Агнцем в Апокалипсисе назван Христос. Таким образом, вдохновлявший А. Белого античный сюжет, преломляясь в символике видений о конце времен, понимался как пророчество о новом мире, преображенном Божественным Логосом.

Важной духовной силой для художника слова закономерно оказывается само словесное творчество. Чаемое Единство космоса и человека осуществляется в звуках, в речи. Через жизнь слова образуется единый антропокосмос. Поэт выстраивает следующий семантический ряд: «Воплощение соединений всех букв – человек существует, как целостность многообразия звуков; мы созданы словом; и словом своим создаем, нарицая, все вещи; именованье – творение; именованье – алхимический опыт соединения звуков» [1, с. 41].

Для А. Белого, поэта-апокалиптика, эти формулы получают принципиальное значение. В сжатом виде здесь излагается теория теургического искусства или подлинного мифологического символизма. Заканчивается «Глоссолалия» пророчеством о Втором Пришествии Господнем как откровении Логоса: «Да будет же братство народов: язык языков разорвет языки; и – свершится второе пришествие Слова» [Там же, с. 53].

По свидетельству апостола Иоанна, это Слово есть Свет, творящий и преображающий человека и мир (Ин. 1:4-5). Таким образом, через раскрытие «смысла звучности» [Там же, с. 10] в образах и символах произведения А. Белый художественно воплощает сокровенное знание о Духовном Всеединстве мира. Лингвистическая космогония поэмы «Глоссолалия» приводит мысль к откровению Логоса-Христа во внутреннем слове личности и в мире, в котором человек живет и творит новую реальность.

Список источников

1. Белый А. Глоссолалия. Томск: Водолей, 1994. 64 с.
2. Белый А. Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. С параллельными местами. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1990. 1376 с.
4. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. 784 с.
5. Православный молитвослов и Псалтирь. М.: Издание Свято-Данилового монастыря, 1995. 480 с.
6. Соловьев В. С. Россия и Вселенская Церковь / пер. с фр. Г. А. Рачинского. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1911. 448 с.
7. Флоренский П. А. Имена: сочинения. М. – Харьков: Эксмо-Пресс; Фолио, 1998. 912 с.
8. Штайнер Р. Очерк тайноведения. Ереван: Ной, 1992. 319 с.
9. Яковлев М. В. Религиозное откровение в поэзии Андрея Белого: монография. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. 189 с.

WORD COSMOGONY IN ANDREY BELY'S POEM "GLOSSOLALIA"

Yakovlev Mikhail Vladimirovich, Doctor in Philology, Associate Professor
State University of Humanities and Technologies, Orekhovo-Zuevo
mihaelramblerru07@rambler.ru

The article analyzes the artistic disclosure of the symbols of the Cosmos and the Word in the poem by A. Bely "Glossolalia". The novelty of the research concept is determined by the apocalyptic interpretation of etymological, historical-literary, mythopoetic, and anthroposophical allusions in the figurativeness of the work. It is proved that the poet's idea of the Second Coming of Jesus Christ is revealed in the aspect of the neo-religious doctrine of original cosmic unity and its restoration as a result of the new revelation of the Word. It is shown that Russian verbal cosmos in the poem has a special role in understanding the eschatological destinies of the peoples.

Key words and phrases: glossolalia; symbol; word; anthroposophy; Apocalypse; A. Bely.